

СЕДЬМОЙ МАРШРУТ

ПО ЭТУ СТОРОНУ

Александр Шульпинов

Красная черта. Седьмой маршрут

«Автор»

2026

Шульпинов А.

Красная черта. Седьмой маршрут / А. Шульпинов — «Автор»,
2026

В 2041 году мир изменился навсегда. Землю пересекли загадочные красные линии, за которыми привычные законы природы перестали действовать. Города опустели, дороги исчезли, а некоторые люди бесследно пропали. Прошло тридцать три года. Человечество научилось выживать рядом с аномалиями. Но никто до сих пор не знает, что такое Красная черта и какие тайны она скрывает. Алексей Горин — опытный проводник, привыкший смотреть смерти в лицо. Однажды он получает предложение пройти к заброшенному Руднику-12. Туда, где семнадцать лет назад произошло событие, навсегда изменившее его жизнь. Впереди — опасные аномалии, неизвестные существа, чужие тайны и встречи, которых не должно быть. Но самое страшное ждёт Горина не за Красной чертой. А в прошлом, которое он столько лет пытался забыть.

© Шульпинов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление. Когда дорога была обычной	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Шульпинов

Красная черта. Седьмой маршрут

КРАСНАЯ ЧЕРТА
СЕДЬМОЙ МАРШРУТ

Вступление. Когда дорога была обычной

Утром четвёртого сентября две тысячи сорок первого года на станции Сосновая отстали от расписания три электрички, и дежурная Надежда Лапина решила, что день будет скверный.

Потом она много раз вспоминала это своё предчувствие и всякий раз злилась. Потому что день оказался не скверный. Скверным можно назвать дождь, начальника с похмелья или поезд, который не желает уходить со второго пути. А для того, что случилось в тот четверг, люди потом так и не придумали подходящего слова. Сначала говорили «происшествие». Потом — «явление». Несколько лет спустя слово «сдвиг» вытеснило остальные. Оно было коротким и удобным: произнёс — и можно больше ничего не объяснять.

В семь сорок две Надежда сидела за диспетчерским столом, ела холодный сырник и смотрела, как на платформе мужчина с огромной сумкой ругается с автоматом по продаже билетов. Автомат отказывался принимать его карту. Мужчина требовал от машины совести, а машина, судя по всему, не понимала, чего от неё хотят.

— И правильно, — сказала Надежда через стекло. — Где ей взять совесть за такие деньги.

В комнате, кроме неё, никого не было. Коллега ушёл проверить стрелочный привод. Телефон на столе мигал сообщением от сына: «Мам, я форму физры забыл. Привези». Под сообщением уже висела фотография пустой спортивной сумки, приложенная для убедительности.

«Сам забудешь — сам и вспоминай», — набрала она. Потом стёрла. Написала: «Вечером поговорим». И добавила сердечко, потому что сыну было одиннадцать и он ещё позволял матери это делать.

В семь сорок семь в эфире щёлкнуло.

— Сосновая, ответьте. Сосновая, приём.

Голос машиниста двадцать четвёртого пригородного поезда звучал так, будто человек разговаривал из ванной комнаты.

— На связи. Что у тебя?

— Перед перегоним пусто. А метки нет.

— Какой метки?

— Километровой. Сорок восьмой. И лес какой-то... Погоди, сейчас.

Надежда прижала к уху наушник. На схеме движения зелёная отметка состава застыла между Сосновой и Чёрным Логом. Поезд должен был показаться на ближайшем изгибе через семь минут. Половину этого перегона она знала почти наизусть: низина, березняк, старая водонапорная башня, небольшая просека, где осенью собирали грибы. Никаких особенностей, если не считать кабанов и дачников, которые полагали себя бессмертными.

— Подтверди остановку.

— Стоим, — сказал машинист. — Мне не нравится дорога.

— Ты на рельсах, Андрей. Там дорога обычно железная.

Он не засмеялся.

— Рельсы впереди есть. Только они... второй раз.

— Объясни по-человечески.

— Я сам пытаюсь.

Потом раздался протяжный металлический звук. Не удар и не скрежет — будто кто-то провёл по краю огромного стакана мокрым пальцем. Тонкий, почти музыкальный гул сперва возник в наушнике, затем отозвался под полом дежурной комнаты. На столе дрогнул сырник. Из автомата на платформе посыпались билеты — один, другой, третий. Мужчина с сумкой попятился и почему-то снял шапку.

За окном, над дальним концом платформы, появилась красная черта.

Позже Надежда попыталась описать её в показаниях. Сначала написала «молния», потом зачеркнула. Молния вспыхивает, а это стояло. Написала «луч», тоже зачеркнула. Луч должен откуда-то идти. Черта не исходила ни из земли, ни с неба. Она просто была — в воздухе, как трещина на стекле, которое до сих пор никто не замечал.

— Андрей? — сказала Надежда. — Ты слышишь?

Шорох.

— На связи. У нас тут пассажиры снимать начали. Скажи, мы можем назад?

Она посмотрела на схему. Зелёная отметка поезда осталась на месте. Диспетчерский компьютер показывал, что состав по-прежнему стоит перед сорок восьмым километром. Но на бумажном журнале, лежавшем возле локтя, номера двух соседних перегонов неожиданно перестали сходиться с тем, что сообщал машинист.

— Не двигайся, — сказала она. — Ни вперёд, ни назад. Закрой двери. Я выясню.

Надежда дотянулась до внутреннего телефона, сняла трубку. Вместо гудка послышался тот же стеклянный звук. На секунду он стал таким сильным, что закололо зубы. Потом замолчал.

В этот момент мужчина с сумкой шагнул с платформы на рельсы, собираясь посмотреть поближе.

— Куда?! — закричала Надежда.

Мужчина поднял голову, недовольно махнул ей рукой и сделал ещё шаг. Между его ботинками и рельсами возникло небольшое смещение, как на фотографии, у которой не совпали два слоя. Он упал на колено, затем быстро поднялся. С ним ничего не случилось, если не считать рассечённой ладони. Он смотрел на кровь с такой обидой, будто порезался о собственную глупость.

— Назад на платформу! — крикнула Надежда и уже бежала к двери.

На улице пахло мокрыми шпалами и утренним кофе из ларька. Обычный запах станции. Птицы летали. Машины по соседней дороге двигались, не подозревая, что мир только что приобрёл новое свойство. Надежда сбегала с крыльца, подняла мужчину за локоть и повела к зданию.

— Вы что, не видите? — спросил он, тыча пальцем в небо.

— Вижу. И поэтому не надо лезть.

— Это что такое?

— Не знаю.

Мужчина уставился на неё.

Всю прежнюю жизнь Надежда раздражалась, когда кто-то говорил эти два слова. В школе «не знаю» означало невыученный урок, на работе — небрежность, дома — лень. Но сейчас она произнесла их и почувствовала странное облегчение. Не знать было стыдно только до тех пор, пока существовал кто-то, кому известен ответ.

Вслед за первым сигналом пришли сообщения от соседних станций. На западном направлении внезапно перестало совпадать расстояние между двумя контрольными точками. В городе, куда уходила ночная грузовая ветка, люди видели красную полосу над промзоной. Поступали фотографии, видео, растерянные голосовые сообщения. Кто-то писал, что это оптическое явление. Кто-то — что рекламная установка. Кто-то уверял, будто всё уже объяснили по телевизору.

К полудню стало ясно, что никто ничего не объяснил.

В два часа двадцать минут к станции приехал сын Надежды. Его привёз сосед на старом фургоне. Школу отпустили раньше, потому что у учительницы математики перестал открываться кабинет: дверь вела в ту же комнату, но с другой стороны, словно коридор сложили кольцом. Дети сперва смеялись и бегали туда-сюда, пока директор не велел всем выйти через окна первого этажа.

— Мам, у нас портал, — сказал Миша, вылезая из фургона.

— У вас директор, — ответила Надежда. — Ему за порталы не платят. Домой бы сидел.

— А можно посмотреть?

— Нет.

— Но все же смотрят.

— Все могут и в лужу сесть. Ты-то зачем за ними?

Он обиделся, присел на бетонный парапет и начал терзать застёжку рюкзака. Надежда села рядом. Они молчали, глядя на тускло-красную черту за верхушками елей. Она не увеличивалась и не уменьшалась. В какой-то момент Надежде показалось, что черта слегка поворачивается, будто проверяет, с какой стороны удобнее взглянуть на людей.

— Мам, — сказал Миша, — а завтра всё будет как раньше?

Она хотела сказать «конечно». Хорошая мать, наверное, так бы и ответила. Но вспомнила поезд с пассажирами, застрявший за Чёрным Логом. Вспомнила неподвижную зелёную точку на схеме и рельсы, которые, по словам машиниста, повторялись дважды. Вспомнила, как легко было произнести «не знаю» чужому человеку и как трудно теперь произнести то же самое сыну.

— Завтра разберёмся, — сказала она.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что завтра обычно приходит.

Электричка с двадцать четвёртого маршрута в тот день не вернулась. Через неделю в газете напечатали список пассажиров. Через две — исправленный список. Через полгода станцию Чёрный Лог закрыли, а платформу Сосновой обнесли временным ограждением. Ещё через год временное ограждение стало постоянным, только места за ним оказалось намного больше, чем прежде.

Первая черта не уничтожила весь мир одним ударом. На следующий день в некоторых городах работали кафе, люди ездили на работу, спорили из-за парковки, покупали детям тетради. Поезда ходили там, где рельсы ещё соединяли станции. Электричество поступало по линиям, которые не проходили через искажения. Врачи лечили больных, пекари пекли хлеб. И многие были уверены, что неприятность скоро закончится.

А потом выяснилось, что некоторые дороги больше не соединяют те места, которые соединяли вчера. Что линии связи обрываются без видимых повреждений. Что менять маршрут транспорта можно до тех пор, пока следующая перемычка не исчезнет вместе с мостом. Что у каждой безопасной территории есть граница, которую невозможно увидеть на карте месячной давности.

Здания оставались на месте. Люди оставались людьми. Но связи между ними становились всё длиннее, дороже и опаснее.

Катастрофа оказалась не взрывом, а медленным разъединением.

Станцию Сосновая окончательно оставили через три года. К тому времени Миша уже умел ставить печку из кирпича и отличал настоящую карту от красивой. А Надежда всё ещё носила в кармане старый служебный ключ от диспетчерской комнаты. Ключ ничего не открывал: здание стояло по ту сторону искажения. Только выбросить его рука не поднималась.

Через тридцать три года дети в уральских поселениях будут изучать начало Красной черты по обрывкам хроник, схемам и рассказам стариков. Они будут знать, что Сдвиг начался в сорок первом, что аномалии бывают неподвижными и блуждающими, что красное свечение показывает не всю опасность, а только её часть. Их научат бросать перед собой гайки, не доверять новым тропам и никогда не заходить за знакомую границу только потому, что там красиво.

Они привыкнут к новому миру так, как привыкают к холодным зимам: не перестанут его бояться, но научатся топить печи.

И всё-таки никто — ни взрослые, ни дети, ни самые умные исследователи — не сумеет толком ответить на один вопрос.

Что именно сдвинулось в тот сентябрьский день?

. . .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.